

— OroDelOro —

КОГДА
ПОГАС СВЕТ,
НАСТОЯЩАЯ
ЖИЗНЬ ТОЛЬКО
НАЧАЛАСЬ...

ИСКРА

Oro Oro Искра

<https://litres.ru/74681032>

SelfPub; 2026

Аннотация

На мир обрушился энергетический коллапс, нет света и электричества. Постапокалипсис и выживание мужчины и девочки.

Содержание

Пролог. К шести	4
Автоцентр	6
Дорога	8
Глава 1. Ржавчина и болты	10
Станок	13
Тойота	15
Рынок	17
Ворота	20
Домкрат	22
Ремни	25
Блокнот	28
Глава 2. Сделка на руинах	32
Тело	33
Осмотр	38
Блокнот на верстаке	41
Первая ночь	44
Звонок	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Oro Del Oro

Искра

Пролог. К шести

В то утро пахло яичницей.

Кирилл стоял в дверях кухни, застёгивая рабочую куртку, и смотрел, как дочь на табуретке считает ложки. Она всегда считала. Ступеньки в подъезде, фонари вдоль дороги, облака в окне автобуса. Когда ей было пять, она впервые пересчитала звёзды над дачей и записала в тетрадку, что их «семнадцать, но, наверное, больше». С тех пор тетрадка не отлипла от неё.

— Двенадцать, — сообщила Лена, не оборачиваясь. — Одна лишняя. Мама опять купила ложку, которая нам не нужна.

— Это не лишняя, это запасная, — донёсся из комнаты голос жены.

— Лишняя.

Он улыбнулся, нагнулся, поцеловал дочь в макушку. Волосы пахли шампунем с яблоком. Она отмахнулась, не отрываясь от ложек, но уголок рта у неё дёрнулся: точь-в-точь как у него самого.

— Пап, ты сегодня придёшь пораньше?

— Не знаю, малыш. Заказов много.

— Ты обещал на прошлой неделе.

— Обещал, — признал он. И, подумав, добавил: — К шести. Честное слово.

— Честное-пречестное?

— Честное-пречестное.

Она кивнула, как кивают взрослые, подписавшие контракт, и вернулась к ложкам.

Автоцентр

К двум часам дня в боксе стояла обычная рабочая духота. Он был старшим мастером в крупном сервисе на окраине: двенадцать подъёмников, тридцать человек в смене, очередь из дорогих иномарок, чьи хозяева не умели отличить масляный фильтр от воздушного. Кирилл ценил этот шум. Гудели компрессоры, хлопали пневмогайковёрты, на столах мигали экраны диагностики, подключённые к блокам управления. Всё вокруг было напичено электроникой, и он давно научился сквозь неё слышать главное: металл. Как работает подшипник. Как дышит поршневая. Как стучит шатун, когда ему пора на покой.

На третьем подъёмнике, задранная под потолок, висела старая «Тойота». Белый «Хайлюкс» с двухлитровым дизелем, без единой микросхемы: машина клиента, который отказывался продавать её уже лет пятнадцать. Кирилл возился с ней в обеденный перерыв, для души. Заменял сальник, подтянул рулевые тяги. Помощник, молодой парень по имени Стас, покосился на машину и пошутил:

— Шеф, ну зачем вам этот динозавр? Сегодня такие уже не делают.

— Зато эти ещё поедут, когда остальные встанут, — сказал Кирилл, не оборачиваясь.

Он не думал, что говорит что-то важное. Просто привыч-

ная реплика старого механика.

В четырнадцать часов семь минут по времени, которое он потом долго вспоминал, всё погасло.

Это случилось не сразу и не ярко. Вдруг оборвался гул компрессоров, и стало так тихо, что слышно было, как в углу капает с крана вода. Погасли лампы под потолком, будто кто-то дёрнул рубильник. Экраны диагностики схлопнулись в точки и потухли. Подъёмники замерли, и висевшая на них «Тойота» с глухим ударом осела на упоры.

— Э, — сказал Стас. — Чего?

Кирилл не ответил. Он стоял, вслушиваясь в тишину, и впервые за двадцать лет не слышал ни одной машины в округе.

Потом снаружи донёсся странный звук. Тихий, нарастающий, похожий на шелест: десятки автомобилей на проспекте останавливались разом. Не тормозили, а именно глохли, один за другим, как ряд костяшек домино. Он вышел во двор. Улица была забита. Машины стояли в три ряда, водители вылезали из кабин, стучали по рулям, поднимали капоты, тыкали в мёртвые телефоны. Кто-то кричал. Кто-то смеялся нервным, срывающимся смехом. Над крышами, высоко в бледном небе, тянулся белый след самолёта, и Кирилл увидел, как этот след вдруг перестал быть прямым, дрогнул и пошёл вниз.

Он не стал смотреть дальше.

Дорога

До дома было четырнадцать километров.

Он шёл пешком. Сперва быстро, потом бегом, огибая заглохшие машины, которых становилось всё больше, и толпы людей, не понимающих, что произошло. На перекрёстках стояли мёртвые светофоры. В магазинах гасли витрины. Из окон высоток кричали, звали, спрашивали, но никто не отвечал.

Он достал телефон. Экран был чёрный, как вымытый камень. Он убрал его в карман и больше не доставал.

Первые полчаса он думал: сейчас включится. Через час: надо идти. Через два перестал думать вовсе. Сердце колотилось в горле, ноги гудели, рабочие ботинки, которые он не снял, натёрли пятки до крови. Он бежал мимо людей, бросающих всё, мимо матерей с колясками, мимо мужчин в костюмах, сидевших прямо на тротуарах с застывшими лицами. Над городом нависла странная гулкая пустота, какая бывает в храме после службы.

На часах, старых механических, с потёртым ремешком, которые подарил ему отец, было без восьми минут шесть, когда он добежал до своего двора.

Он успел. Раньше, чем обещал.

Подъезд был открыт настежь. Лифт молчал. Он взлетел по лестнице, считая про себя ступеньки, как считала Лена: сто

двадцать, сто двадцать одна. Дверь квартиры стояла нараспашку. В прихожей горел остывший свет заходящего солнца, на вешалке висела её куртка. На кухонном столе стояла чашка с недопитым чаем.

— Лена! — крикнул он. — Оля!

Тишина.

Он обошёл комнаты. Постели не тронуты, окна закрыты, в ванной капает вода. Всё лежало на местах, всё, кроме них. В детской на подоконнике, раскрытая, как оставляют книгу, лежала школьная тетрадь в клетку.

Он не стал её читать. Тогда не стал. Просто сел на пол, прислонился спиной к стене и сидел так, пока солнце не ушло за соседний дом и в комнате не стало совсем темно.

В шесть часов, как и обещал, Кирилл был дома.

Его никто не ждал.

Глава 1. Ржавчина и болты

Железо просыпается раньше людей.

Кирилл знал это давно, ещё с тех времён, когда в сервисе по утрам потрескивали остывающие выпускные коллекторы, а под подъёмниками тихо капало масло. Теперь в боксе потрескивала только кровля: за ночь профнастил остывал и сжимался, и по всему потолку, от ворот до задней стены, пробегали сухие щелчки, словно кто-то невидимый шёл по крыше и пробовал её на прочность. В углу, под брезентом, оседала на рессорах старая «Тойота». По утрам она вздыхала, когда сырость добиралась до подвески.

Он лежал на узкой кушетке, застеленной двумя ватниками, и слушал, не открывая глаз. Ветер с северной стороны, тянет по щели под воротами. Капля из бочки: значит, ночью шёл дождь и бочка наполнилась. За стеной тихо. Хорошая тишина. Плохая была бы другой: слишком ровной, как у зверя, замершего перед прыжком.

Пять лет назад утро начиналось с вибрации телефона на тумбочке. Кирилл не вспоминал об этом нарочно. Просто тело всё ещё помнило, что в этот час положено тянуться рукой к тумбочке, и рука иногда тянулась. Теперь на тумбочке из ящика от подшипников лежал молоток с отполированной до блеска рукоятью.

Он сел, спустил ноги на бетон и подождал, пока уйдёт хо-

лод из суставов. Тридцать восемь лет. Спина помнила каждый гружёный подъёмник, плечи помнили каждую заклинившую гайку, а кисти, широкие и тёмные, с вьёвшейся в трещины кожи смазкой, которую не брало никакое мыло, помнили всё сразу. Это были руки человека, который всю жизнь что-то откручивал, и ни одна из них давно не дрожала.

На умывание ушёл ковш воды из бочки. Вода была дождевая, прошедшая через фильтр, который он собрал в первую зиму: в разрезанной канистре слоями лежали крупный гравий, речной песок, толчёный древесный уголь и в самом низу сложенный вчетверо кусок плотной брезентовой ткани. Всё равно её следовало кипятить. Воду он пил только после кипячения. В первый год Кирилл видел, что бывает с теми, кто решил, будто прозрачная значит чистая.

Буржуйка была сделана из газового баллона. Он выпилил в боку дверцу, приварил трубу из выхлопной системы грузовика, а на верхнюю часть навесил отсекку из тормозного диска, чтобы накапливала тепло. Растопка у него лежала наготове: щепки от старых поддонов, берестяной свиток, скрученные в жгуты газеты. Чиркнул огнём, поймал искру на трут, и через минуту внутри заурчало, а по боксу пополз запах горящего дерева. Он не любил этот запах. Он напоминал ему о других кострах, о тех, что горели в первый год на каждой улице, пока в городе оставалось что жечь.

На завтрак была вчерашняя каша, разогретая прямо в котелке, с ложкой тушёнки. Банок в ящике оставалось один-

надцать. Он давно перестал считать их ради тревоги, считал ради расчёта: одиннадцать банок плюс картошка, которую ему приносили за работу, плюс рыба из озера, если повезёт, и так до весны. Он ел медленно, глядя на лампу-коптилку, мерцавшую на верстаке. Масла для неё осталось на две недели. После этого придётся либо менять, либо работать при свете из дверного проёма, а там день короткий.

Закончив, Кирилл вымыл котелок песком, поставил на печь воду для чая из сушёной липы и подошёл к станку.

Станок

Станок был его гордостью, хотя самому себе он бы в этом не признался.

Пятнадцать лет назад небольшой токарный «ТВ-4» купили для учебной мастерской при колледже, потом колледж закрылся, станок оказался на складе, а оттуда, за три ящика инструмента и сомнительную бумагу, перекочевал в бокс Кирилла. Он стоял у стены под чехлом, пока не стало ясно, что электричество не вернётся. Тогда Кирилл неделю не вылезал из-под него.

Привод он сделал ножной. Педаль из рессорного листа, шатун из куска трубы, а маховик отлил из тормозного диска грузовика, расплавив в самодельном горне чугуны болванки. Вышло тяжело и неуклюже, зато ход получился ровным: нажал, отпустил, нажал, отпустил, и шпиндель идёт без рывков, ровно и тихо. Ритм этот Кирилл давно перестал замечать, как не замечают собственное дыхание.

Сегодня на станке стояла шпилька. Заготовка из закалённой стали, снятая со ступицы какого-то давно мёртвого грузовика, ждала, когда её проточат под нужную резьбу. Заказчик придёт к полудню: пожилой хозяин мельницы, у которого сломалась ось жерновов. Он заплатит полмешка муки и мешочек соли. Для мельника это было грабительской ценой, а для Кирилла — честной. Когда всё в мире сторело,

оказалось, что настоящая стоимость вещей не в деньгах, а в том, сколько часов жизни человек готов отдать, чтобы они появились.

Он зажал заготовку в патроне, подвёл резец, взялся левой рукой за маховик и толкнул педаль. Металл запел.

Стружка завивалась тонкой синеватой лентой. Кирилл следил за ней, не за резцом: цвет стружки говорил больше любого штангенциркуля. Слишком светлая значит, подача мала; слишком тёмная значит, сталь перегревается, и нужно либо сбавить обороты, либо добавить смазки, а смазки добавлять было нечем, потому что масло ушло в коптилку. Он сбавил обороты и подождал. Ничего. Пошла ровно.

Если бы кто-то спросил, чем он занимается, он бы ответил: «Чиню». Но на самом деле он делал другое. Кирилл видел в вещах не то, чем они были, а то, чем они могли стать. Груда ржавых деталей на заднем дворе была для него не мусором, а складом: вот пружина от подвески, из неё выйдет рессора для телеги; вот тросик сцепления, он годится и в тетику, и в растяжку; вот кусок стальной трубы, который при желании превратится в вал, в ось, в корпус для чего угодно. Инженерное зрение, называл он это про себя. Приходило само. Оно же не давало заснуть, когда на ум приходила очередная идея, а руки ещё не дошли.

На ручку тисков у станка была намотана детская резинка для волос, розовая, с облезшей блёсткой. Он ни разу её не снял. И ни разу не посмотрел на неё прямо.

Тойота

Машина стояла под брезентом в дальнем углу бокса, на деревянных подставках, колёса сняты и сложены стопкой рядом. Он накрыл её в первую осень, когда понял, что бензин в баках превратился в мутную жижу, а дорог, по которым можно было бы ехать, уже не осталось.

Это был «Хайлюкс» девяносто какого-то года, пикап с двухлитровым дизелем без единой микросхемы. В нём не нашлось ничего, что можно было бы сжечь импульсом: ни блока управления, ни датчиков, ни проводки, чувствительной к наводкам. Только железо, насос и форсунки. Когда город погас, Кирилл сперва даже не думал о ней. Потом, на третий месяц, пришла мысль, от которой он несколько дней не мог спать: дизельный двигатель не знает, что случился конец света. Он знает только, что ему нужны воздух, сжатие и топливо.

Топливо — вот что было проблемой.

Солярка за пять лет в баках тоже испортилась, пошла осадком и бактериями. Он слил её и сжёг в печи ещё в первую зиму. Новую взять было негде. Но Кирилл не отбросил мысль, а перевернул её: если двигатель ничего не знает о конце света, значит, ему можно дать другое топливо. Горючий газ. Дрова.

Газогенератор. Печь, которая из сухой древесины делает

горючий газ, а тот гонит двигатель. Так ездили в войну, и так ездили в блокаду, когда бензина не осталось. Чертежей у него не было, но были руки, голова и пять лет в запасе. Он знал, как устроена такая установка: бункер, зона горения, зона восстановления, система охлаждения и очистки газа. Знал, сколько нужно дров на сто километров. Знал, чего не знал: сколько протянет изношенный насос на таком режиме.

Насос он разобрал месяц назад, расстелив детали на чистой тряпице. И нашёл то, что искал и чего боялся. Плунжерные пары были выработаны. Нагнетательные клапаны сидели плохо, прокладки задубели от старости. Без ремкомплекта насос будет гнать давление, как больной гонит воздух: рывками, с задержками, и двигатель сдохнет на первом подъёме.

Ремкомплекта в городе не было. Он обошёл все склады, которые знал, и несколько, которых не знал. Всё либо растащили, либо сожгли, либо забрали те, кто понимал цену.

А потом, неделю назад, он увидел его на рынке.

Рынок

Меновой рынок собирался по четвергам у старого депо, там, где рельсы ещё не успели совсем зарости полынью. Приходили из окрестных посёлков и с дальних хуторов: с мешками, тележками, с козами на верёвках. Меняли соль на гвозди, гвозди на иглы, иглы на патроны. Деньги умерли в первую же зиму. Остались вещи и те, кто умел их делать.

Кирилл ходил туда редко, раз в месяц, не больше. Приносил то, что сделал руками, и уносил то, без чего не обойтись: соль, сухари, пару мотков проволоки. Говорил мало. Его знали и не лезли. Знали, что у него тяжёлый взгляд, а ещё что в бою он наматывает на кулаки приводные ремни и после этого человека можно хоронить в закрытом гробу. Так говорили, и он не возражал. Хорошая репутация — самая дешёвая из защит.

На прошлой неделе, в самом дальнем ряду, где торговали оружием и всем, что подозрительно лежало бесхозно, он увидел рыжих.

Это были «Ржавые». Банда пришла с востока в конце третьего года, и за два с лишним года из десятка оборванцев превратилась в силу, с которой считались даже посёлки с частоколом. Они не воровали, как воруют крысы. Они забирали. Приходили на хутор, брали всё, что понравится, и уходили, а те, кто пытался возразить, потом долго лежали лицом

вниз у собственных колодцев. Отличить их было легко: рукава они красили в цвет ржавчины, вымачивая ткань в воде, где неделями томилось старое железо, а на лица, говорят, наносили рыжие полосы той же краской. Те, кто это придумал, знали, что страх любит символы.

Главаря звали Гвоздь. Худой, жилистый, лет сорока, с лицом человека, которому давно никто не отказывал. Он сидел на перевёрнутом ящике и лениво перебирал товар перед собой, а на поясе у него болтался жестяной пенал, потёртый, с остатками синей краски по углам. Кирилл узнал его сразу, раньше, чем успел понять, что узнал. Такие пеналы он видел тысячу раз: в них поставлялись ремонтные наборы для топливных насосов высокого давления. Заводская маркировка читалась даже с десяти шагов, если знать, куда смотреть.

Он подошёл ровно настолько, чтобы не выглядеть заинтересованным.

— Пенал продаёшь? — спросил он, глядя не на пенал, а на нож, лежавший рядом на ящике.

Гвоздь оглядел его снизу вверх. Улыбнулся. Улыбка у него была аккуратная, без зубов.

— А тебе-то что в нём?

— Железки. Ржавые, как твои рукава.

Один из Ржавых, стоявший за спиной у главаря, хмыкнул. Гвоздь не отреагировал.

— Он не продаётся, мужик. Мне самому дороже. — Он помолчал, потом добавил почти ласково: — Я слышал, ты у

нас мастер. Так вот, не лезь туда, где не твоё. А то подумаю ещё, что я щедрый.

Кирилл предложил двадцать килограммов картошки, три хорошие втулки и починку любого механизма, какой Гвоздю принесут. Тот только покачал головой и отвернулся. Разговор закончился. Кирилл постоял ещё секунду, запоминая детали: как пенал крепится к ремню, на каком боку, левша ли Гвоздь, как он сидит. Потом ушёл. Он не злился. Злость мешает считать.

С тех пор он возвращался к этому пеналу мыслями раз сто.

Ворота

Крик пришёл со стороны улицы.

Кирилл не сразу понял, что это крик: стружка пела под резцом, маховик мерно гудел, и звук прорвался сквозь них не словами, а скачком. Высокий, срывающийся, непривычно живой. Он снял ногу с педали. Маховик ещё прокрутился с пол-оборота и затих.

Тишина продержалась секунды три. Потом по воротам ударили кулаком, часто и бестолково, как бьют те, кто уже не надеется, что откроют.

— Откройте! Пожалуйста! Откройте!

Детский голос.

Кирилл не пошевелился. Тело, привыкшее за пять лет к тому, что каждое «пожалуйста» может оказаться приманкой, само замерло в той позе, в какой его застало: рука на маховике, вес на левой ноге. Он слушал. Один голос. Топот по гравию, шаги тяжёлые, не детские. Не меньше трёх пар. Двигаются не скрываясь, неторопливо: охотники, у которых добыча уже загнана в тупик.

Он неслышно шагнул к воротам и прильнул к смотровой щели, которую когда-то прорезал автогеном на уровне глаз и заткнул изнутри ветошью.

Улица лежала в сером утреннем свете, пустая и мокрая после дождя. У самых ворот, спиной к металлу, стояла де-

вочка. Лет десяти, в большой, не по росту куртке, с рюкзаком, съехавшим набок. Волосы стянуты в короткий, давно не расчёсанный хвост. Под глазом тёмная полоса ушиба. Она не плакала. Она смотрела на тех, кто подходил, и в этом взгляде не было ничего детского: он прикидывал расстояние.

Их было трое. Рукава цвета ржавчины.

Тот, что шёл посередине, поправил на поясе жестяной пенал и сказал почти добродушно:

— Ну куда ты, пигалица? Нам с тобой поговорить надо. Мы ж не обидим.

Гвоздь.

Кирилл отодвинулся от щели.

Он не принимал решения. Решение пришло само, как приходит ответ на задачу, когда все числа уже стоят на своих местах. Девочка ему не нужна. Девочка — это лишний рот, лишний шум, лишняя беда. Ворота выдержат, а Ржавые уйдут, когда надоест. Так было бы разумно. Но пенал, о котором он думал неделю, покачивался сейчас на ремне в двадцати шагах от него, на пустой улице, без торговой толпы вокруг. Такого случая больше не будет.

Он будет честен с собой: он делает это не ради девочки. Он делает это ради ремкомплекта. Так проще. Так он сможет спать.

Домкрат

Самострел висел на стене слева от ворот, на двух крюках, под вытертой ветошью. Кирилл никогда не держал его взведённым: тросик сцепления, которым он заменил тетиву, от постоянного напряжения вытягивается и теряет упругость за неделю. Оружие должно ждать расслабленным, как мышца перед рывком.

Это значило, что перед выстрелом придётся потратить время. Сорок секунд, если никто не мешает.

Он снял самострел с крюков и положил на ящик у ворот. Конструкция была нехитрой и потому надёжной: две рессорные пластины, скреплённые в лук, ложе из дубовой доски, прорезь под болт, спусковой механизм из сломанного замка зажигания, переделанный так, что не узнал бы и родной конструктор. Лук был слишком тугим, чтобы взвести его руками. Хоть тресни, хоть наваливайся всем весом.

Для этого у Кирилла был домкрат.

Ромбовидный, на винте, из тех, что лежали в багажнике у каждой второй легковушки. Он закрепил его одним концом в упорной скобе на ложе, другим зацепил за петлю на тросике и взялся за рукоятку. Первый оборот дался легко. Тросик натянулся с протяжным, певучим звуком, и рессорные плечи медленно пошли назад. Второй оборот. Третий.

— Эй, внутри! — Гвоздь постучал в ворота, лениво, ко-

стяжками. — Слышь, мастер? Мы знаем, что ты тут. Мы просто хотим пацанку забрать. Не вмешивайся, и разойдёмся.

Он узнал его голос. Конечно, узнал. Значит, знал и то, кто стоит за воротами.

— Не открывайте! — крикнула девочка, и Кирилл понял, что она кричит не ему, а им, чтобы выиграть время. — Я знаю, что вы за мной! Я никуда не пойду!

Десятый оборот. Рукоятка пошла ту же. Мышцы на его предплечьях вздулись под рукавами, и он поймал себя на том, что считает вслух, шёпотом, как считал когда-то, затягивая головки блоков по моменту.

— Тебе повезло, что у нас нет времени, — сказал Гвоздь, уже без добродушия. — Васька, давай лом.

Двадцатый оборот. Рессорные плечи прогнулись так, что дубовое ложе скрипнуло. Тросик звенел, как струна.

В ворота ударило что-то тяжёлое. Металл охнул и дрогнул. Ещё удар. Запор, который Кирилл сам когда-то выковал из автомобильной оси, держался, но болты на петлях, он слышал, уже выползали из старых гнёзд.

Тридцатый оборот. Он выдохнул.

Сороковой.

Щёлкнул замок. Тетива встала на спуск.

Кирилл вытащил из ящика болт: колёсная шпилька длинной с предплечье, один конец заточен на конус, другой нарезной, и на резьбу навинчена гайка вместо оперения. Тяжё-

лая, холодная, честная. Он вложил её в желоб ложа и поднёс самострел к бойнице в воротах.

В бойнице было видно всё.

Девочка стояла, прижавшись к стене у самых створок, там, куда не доставал замах лома. Васька, молодой, с рыжими полосами на скулах, налегал на лом. Второй бандит, коренастый, с монтировкой, подбирался сбоку. Гвоздь стоял чуть позади, положив руку на кобуру. Обрез. Скорее всего, обрез.

Кирилл прижал приклад к плечу. Ложе пахло смазкой и сосновой смолой. Он поймал в прорезь прицела грудь Васьки, выждал, пока тот замахнётся ломом в очередной раз, и нажал на спуск.

Ремни

Рессорный лук ударил глухо и коротко, как хлопает мокрая простыня на ветру.

Шпилька ушла через бойницу, и Кирилл не стал смотреть, куда она попала: он слышал. Хриплый выдох, звон выпавшего лома, странный, почти удивлённый вскрик. Потом тяжёлое падение тела на мокрый гравий.

Один.

Он бросил самострел на ящик. Следующий выстрел потребовал бы ещё сорока оборотов домкрата, а столько времени ему никто не даст. Теперь начиналась другая работа, та, в которой не нужны ни рессоры, ни тросики.

На гвозде у двери, под рабочей курткой, висели ремни. Он не носил их постоянно, только на такие случаи: пара старых приводных ремней от генератора, широких, зубчатых, пропитанных потом и маслом так, что кожа на них стала почти каменной. Он смотал каждый в три витка и затянул на правом и левом кулаке, как боксёр затягивает бинты. Ремень лёг на костяшки плотно, добавив пальцам веса и отняв у них чувствительность. Хватит, чтобы сломать скулу, если ударить как следует.

За воротами начался крик.

— Он убил Ваську! Убил! Вломим ему, слышь, Гвоздь, вломим!

— Заткнись, — оборвал Гвоздь. Голос у него по-прежнему был ровный, но теперь в нём звенела сталь. — Колян, лом. Бей в запор. Он один.

Он был прав. Один.

Кирилл отодвинул засов на калитке, врезанной в левую створку, и приоткрыл её на ширину плеча.

Коренастый как раз заносил монтировку над головой, готовясь ударить по запору, и в этот момент калитка распахнулась ему навстречу и ударила его по руке. Монтировка выскользнула, звякнув по железу. Бандит отшатнулся, и Кирилл шагнул в проём и ударил его левым кулаком в горло.

Коренастый осел, схватившись за шею и хрипя.

Кирилл не стал его добивать. Тот не встанет ещё минуту, а за минуту много чего можно успеть.

Гвоздь отступил на три шага, и рука с пояса пошла вверх вместе с обрезом.

Это Кирилл тоже учёл. Левша. Значит, оружие слева, значит, ствол сначала пойдёт от бедра, и нужно просто сместиться вправо и вперёд, в слепую зону. Он нырнул, и обрез грохнул, разрывая воздух там, где мгновением раньше была его голова. Дробь ударила в ворота за спиной, зазвенела по металлу, как горсть гвоздей, брошенных на жестяной лист. Девочка вскрикнула. Что-то горячо чиркнуло Кирилла по плечу, а он уже был рядом.

Перезаряжать обрез Гвоздь не стал. Он отбросил его, схватил из-за пояса нож и ударил снизу вверх, коротко и уме-

ло, как бьют те, кто делал это много раз. Кирилл подставил левое предплечье. Лезвие вошло в ремень и застряло в промасленной коже, не дойдя до мяса.

Гвоздь не успел удивиться.

Правый кулак Кирилла, обмотанный ремнём, встретил его челюсть с мокрым хрустом. Голова мотнулась, нож остался в ремне, а сам Гвоздь повалился на спину и ударился затылком о гравий. Он попытался встать. Кирилл поставил ногу ему на грудь и вдавил, медленно, пока тот не перестал дёргаться.

— Левша, — сказал Кирилл. — Я так и думал.

Гвоздь смотрел на него снизу, и в этом взгляде уже не было ни приветливости, ни насмешки. Была только злоба, перемешанная со страхом, и ещё что-то детское, жалобное. Рот у него не закрывался, потому что нижняя челюсть висела набок.

Кирилл нагнулся и снял с его пояса жестяной пенал.

На улице было тихо. Коренастый, пошатываясь, поднялся и побрёл прочь, не оглядываясь, держась за горло, как слепой за поручень. Гвоздь тоже пополз, сперва на четвереньках, потом, шатаясь, на ногах, прочь от ворот и от этого страшного рыжего человека, который оказался вовсе не рыжим. Васька остался лежать там, где упал.

Кирилл не стал смотреть ему в лицо.

Блокнот

Он не сразу понял, что дрожит.

Не от страха, а от выброса, от того, что тело, затянувшее ремни и пошедшее в бой, теперь не знало, куда девать лишнюю силу. Он сел на корточки у ворот, разматал ремни, разжал пальцы. Костяшки были содраны до мяса, и из них сочилась кровь, смешиваясь с рыжей грязью на ремне. На левом плече рукав порвался, под ним тянулась тонкая, горячая борозда от дробы. Неглубокая. Промыть и забыть.

Пенал лежал у него на колене. Он открыл крышку.

Внутри, в промасленной бумаге, ровными рядами лежали плунжерные пары. Четыре штуки, блестящие и нетронутые. Рядом нагнетательные клапаны, медные прокладки, мелкий крепёж в бумажном пакетике. Заводская упаковка, закрытая ещё до того, как кончился мир. Он перебрал их пальцами, осторожно, как перебирают чужие письма.

Вот оно.

Пятнадцать лет назад он бы не поверил, что будет держать в руках такое сокровище и бояться уронить. Теперь это была свобода. Это был шанс услышать, как дизель оживёт.

— Вы это из-за него, да?

Голос раздался совсем рядом. Кирилл поднял глаза.

Девочка стояла в двух шагах от него и держала в руках лом, который уронил Васька. Не для угрозы, просто держа-

ла, словно опиралась. Куртка на ней была порвана на локте, на щеке подсыхала кровь, но глаза оставались сухими. Она смотрела на пенал, а не на него.

— Я видела, как вы смотрите на него, — сказала она. — Через щель. Я видела, что вы смотрите не на меня.

Она произнесла это без упрёка. Констатация, как говорят о погоде.

Кирилл молча закрыл крышку.

— Верно, — сказал он. — Не на тебя.

— Хорошо, — кивнула она. — Так честнее.

Он не нашёлся, что ответить. Он ждал слёз, благодарности, истерики, чего угодно, к чему можно было бы привыкнуть и отгородиться. А получил разговор взрослого человека с взрослым человеком, и это оказалось хуже.

— Как тебя зовут?

— Алиса.

— Откуда ты, Алиса?

— Издалека. — Она перехватила лом поудобнее. — Мне нужна вода. И чтобы вы меня не гнали хотя бы до вечера. Они вернутся.

— Вернутся, — согласился Кирилл. — Не сегодня. Гвоздь сперва челюсть соберёт.

— Тогда завтра. — Она помолчала. — Или через два дня.

Он поднялся, и колени хрустнули. Посмотрел на улицу, на тело у ворот, на пустые окна соседних домов, где за пять лет не осталось ни одной живой души, кроме крыс. Потом на

девочку. Она стояла, выпрямившись, как стоят те, кто давно решил, что просить ещё раз не будет.

Такой же взгляд был у Лены, когда она не хотела, чтобы отец видел, что ей страшно.

Он отвёл глаза.

— Заходи, — сказал он. — Воду найдёшь в бочке. Из кружки не пей, пока не вскипачу.

Она кивнула, прошла мимо него в калитку и остановилась на пороге бокса. Потянула носом. Слабый запах гари, масла, холодного железа.

Потом она увидела Тойоту, и он увидел, как изменилось её лицо.

Это не был страх. Не восхищение. Что-то иное, жадное и осторожное, как у человека, который видит вдали огонь после долгой ночи.

— Она на ходу? — спросила Алиса.

— Нет.

— Но будет?

— Если повезёт.

Она сняла рюкзак, расстегнула молнию и достала из него потрёпанный блокнот в клеёночной обложке, перетянутый резинкой. Края были замусолены, на корешке виднелись тёмные пятна. Не крови, скорее чая, масла, пота. Она держала его двумя руками, как держат вещь, которой нельзя лишиться.

— У меня есть кое-что, что вам нужно больше, чем пенал,

— тихо сказала она. — Но сначала я хочу поесть, помыться и поспать. А потом поговорим.

Кирилл посмотрел на блокнот. Потом на девочку. Потом на ржавую жестяную коробку у себя в руках.

Снаружи, на мокром гравии, остывало чужое тело. Где-то за кварталом, в пустых домах, хромал раненый Гвоздь. А в боксе, в углу, под брезентом, вздохнула старая «Тойота», словно и она услышала и теперь ждала.

Кирилл молча прикрыл калитку и задвинул засов.

Глава 2. Сделка на руинах

Она проспала до вечера.

Кирилл не планировал оставлять её у себя на ночь, но девочка уснула, едва добравшись до кушетки. Села, чтобы разуться, и завалилась на бок, не доведя дело до конца, с одним ботинком на ноге. Он постоял над ней минуту, потом стянул второй ботинок, накрыл её ватником и отошёл, злясь на себя. Раз уж пустил, надо хотя бы не мешать.

Тело у неё было лёгкое, как у птицы. Он заметил это, когда поправлял куртку на плече: под тканью прощупывались только кости. Сколько она не ела по-человечески? Неделю? Две? Он достал из ящика банку тушёнки, вскрыл ножом и поставил разогреваться на буржуйку. Банка двенадцатая. Теперь одиннадцатая, подумал он и тут же рассердился на себя ещё сильнее.

Потом занялся делом, потому что руки без дела — это мысли, а мысли о десятилетней девочке в его боксе были нежеланными.

Но прежде чем сесть за насос, нужно было закончить то, что осталось за воротами.

Тело

Васька лежал там, где упал: лицом вниз, раскинув руки, в луже, которую за ночь успел затянуть тонкий ледок. Кирилл вышел через калитку, постоял над ним и, не глядя на торчащую из спины шпильку, перевернул тело на бок. Парню было лет девятнадцать. Под рыжими полосами, нанесёнными краской из ржавой воды, оказались веснушки, которые дождь уже начал смывать. Рот был приоткрыт, как у человека, не договорившего фразу.

Кирилл вытащил болт, обтёр о траву и сунул за пояс: шпильки нынче на дороге не валялись. Потом обшарил карманы. Нож самодельный, из пилы. Горсть сушёных яблок, завёрнутая в тряпицу. Огрызок карандаша. И сложенный вчетверо лист из школьной тетради в клетку, на котором неумелой рукой была нарисована лошадь. Корявая, с пятью ногами, но с очень внимательными глазами.

Он долго держал листок в пальцах.

Потом сходил за лопатой, взял Ваську под мышки и потащил за гаражи, в заросший бурьяном пустырь, где давно никто не ходил. Земля была тяжёлая, холодная, пересыпанная битым кирпичом. Рыл он час. Положил парня на спину, сложил руки на груди, листок сунул ему под рубашу. Закидал землёй, притоптал, сверху набросал кирпичей, чтобы не раскопали собаки.

Ничего не сказал. Молитв он не знал, а слова, которые приходили на ум, были не для этого места.

Обратно шёл медленно. Руки пахли сырой глиной, в голове гудело. Он не жалел о том, что сделал: тот, кто пришёл ломиться в чужие ворота с ломом, платит по этому счёту, и Кирилл не собирался платить вместо него. Но он слишком хорошо помнил цену, которую заплатил сам за пять лет жизни в этом мире, чтобы думать, будто убитый враг перестаёт быть человеком.

У ворот он смыл с гравия кровь. Вылил два ведра воды, сыпал сверху песком, прошёлся граблями. Хорошо поработал: через час никто бы не сказал, что здесь что-то случилось. Только в одном месте, у самой створки, осталась вмятина от лома, и он провёл по ней ладонью, как по шраму.

Петли оказались хуже, чем он думал. Три болта из шести выползли из гнёзд почти наполовину, а один сидел так, что держался на последнем витке резьбы. Кирилл выбил их все, вытащил и заменил новыми, выточенными на станке накануне, с контргайками и шплинтами из мягкой проволоки. Поперёк створок, изнутри, поставил ещё один брус из дубовой шпалы, в пазы, которые выдолбил за полчаса. Теперь ворота выдержали бы и бревно.

Закончив, он обошёл бокс снаружи. На сырой земле у переулка нашлись следы лошадиных копыт. Три лошади, ушли на восток, рысью, не торопясь. Он присел, потрогал край отпечатка. Свежие. Часа три назад.

Гвоздь не станет рисковать, пока не соберёт людей. Но соберёт. Такие всегда возвращаются.

В переулке он снял со стены гаража несколько ржавых банок, набил их мелкими камнями, повесил на проволоку на уровне колена по обе стороны от ворот и спрятал концы под кучей щебня. Ничего особенного. Просто звонок. На случай, если ночью к нему придёт кто-то, кто не станет стучать.

Пенал лежал на верстаке, раскрытый, под лампой-коптилкой. Он достал плунжерные пары одну за другой и разложил на чистой ветоши, как хирург раскладывает инструменты. Блестящие цилиндрики, подогнанные друг к другу с точностью в доли микрона, нельзя было трогать голыми пальцами: пот оставляет следы, а следы ржавеют. Он натянул тонкие тканевые перчатки, которые берёт как раз для такого случая, и склонился над разобранным насосом.

Насос лежал на втором верстаке, вывернутый наизнанку, и напоминал вскрытое животное. Корпус, кулачковый вал, толкатели. Один за другим он вытаскивал изношенные плунжеры, промывал гнёзда остатками растворителя, сушил и смотрел на свет. Старые пары были изъедены — не страшно, но заметно, как заметна износившаяся подошва. Так насос и гнал давление: с провалами, неровно. Теперь всё будет иначе.

Он работал, не поднимая головы, час или два. Пока в бокс не вползла серая вечерняя полутьма, а за стеной не раздалось тихое, настороженное:

— Можно посмотреть?

Кирилл не вздрогнул. Но рука с пинцетом остановилась.

Алиса стояла в трёх шагах от верстака, заспанная, с прижатой щекой и спутанным хвостом, и смотрела на плунжерную пару у него в пальцах. Ботинок на ней не было, только серые носки. Она переступила с ноги на ногу, как делают дети, которые не уверены, что им позволяют остаться.

— Не трогать, — сказал он.

— Я не трону.

— Руки за спину.

Она послушно заложила руки за спину и подошла ближе. Посмотрела на насос, на разложенные детали, на лампу. Потом перевела взгляд на его плечо, где под тканью проступала повязка.

— Вы ранены.

— Царапина.

— Её надо промыть. Лучше отваром коры, чем просто кипячёной водой. Есть что-нибудь с дубильными веществами?

— Откуда ты знаешь про дубильные вещества?

— Мама была врачом. — Она сказала это ровно, как говорят о факте, давно перестав быть болью. — Не только врачом. Но этому меня учила она.

Кирилл посмотрел на неё внимательнее. Грязь и усталость скрывали лицо, но, умытая, она, наверное, была бы красивой: тонкие брови, упрямый подбородок, глаза очень светлые, серо-голубые. Он отвёл взгляд.

— Ешь, — сказал он. — Каша на буржуйке.

Она ела жадно, но аккуратно, придерживая миску левой рукой, чтобы не перевернулась. Он молча наблюдал краем глаза. Потом она отложила ложку, вытерла рот тыльной стороной ладони и спросила:

— Можно я посмотрю вашу машину?

Осмотр

Он не ответил, и она восприняла это как согласие.

Брезент был тяжёлый, пропитанный старым маслом, и она сдвинула его не сразу. Ей пришлось встать на цыпочки и тянуть обеими руками, пока он не сполз с капота ленивой, шуршащей волной. Тойота обнажилась целиком: выцветший песочный кузов, вмятина на правом крыле, вытертая резина на порогах, высоко поднятый кузов пикапа. Железо, которое честно пахало и честно ржавело.

Алиса обошла её кругом, не прикасаясь. Остановилась у передней оси, присела на корточки и заглянула под бампер.

— Рама целая, — сказала она. — Лонжероны без трещин. Передние рычаги в порядке, сайлентблоки старые, но живые. Рулевые тяги... — Она сощурилась. — Люфт в правом наконечнике. Небольшой.

Кирилл положил пинцет. Медленно.

— Откуда ты это знаешь?

— Папа показывал. — Она не обернулась. — Он не любил, когда я просто ходила вокруг машин. Говорил: хочешь посмотреть, смотри как инженер. Сначала рама, потом подвеска, потом всё остальное. Что у вас под капотом?

— Двухлитровый дизель. Два «эл». Механика, без единого датчика.

— Я знаю, что это такое. — Она встала, отряхнула колени

и посмотрела на него снизу вверх. — Можно открыть?

Он подошёл и сам поднял капот. Мотор лежал под ним тёмный и тяжёлый, как спящий зверь, покрытый тонкой плёнкой консервационной смазки: он обмазал каждый болт, каждую гайку, каждый штуцер, когда закрывал машину на зимовку. Алиса приподнялась на цыпочки, заглянула внутрь и тихо присвистнула.

— Здорово. Это вы сами так сохранили?

— Сам.

— Видно. — Она провела пальцем в сантиметре над крышкой клапанов, не касаясь. — А почему не ездите?

— Нет топлива. Нет дорог. Насос разобран.

— Но у вас теперь есть ремкомплект.

— Есть.

Она помолчала. Потом, не глядя на него, спросила:

— Вы ведь хотите уехать?

Вопрос был простой. Кирилл почувствовал, как внутри него что-то лязгнуло, как лязгает заклиненный механизм, когда его пробуют повернуть.

— С чего ты взяла?

— Никто не копит ремкомплекты ради удовольствия. — Она подняла голову. — И никто не ставит на мёртвую машину новые колодки, если не собирается когда-нибудь ехать.

Она была права. Колодки он поменял в позапрошлом году, ни для чего, просто потому, что не мог видеть их истёртыми. Просто чтобы чувствовать, что машина живая.

— Куда ты идёшь? — спросил он вместо ответа.

— В Колыбель.

— Куда?

— Так называется научный городок в уральских лесах. —

Она произнесла это без пафоса, как произносят адрес. — Отсюда на восток. По прямой около трёхсот километров, но по дорогам больше. Моя семья должна быть там.

Кирилл смотрел на неё и молчал. Триста километров. В мире, где ни одна дорога не расчищена, где мосты рухнули, где в лесах живут стаи одичавших собак и люди, которые хуже собак. Триста километров для одиночки — это билет в один конец.

— Ты шла одна?

— Сначала не одна. — Она отвела взгляд. — Но так вышло.

Она не продолжила, и он не стал спрашивать.

Блокнот на верстаке

У неё было только одно условие. Она сформулировала его просто, как диктуют по складам:

— Вы помогаете мне дойти до Колыбели. Довезти. На вашей машине, если получится. Если не получится, значит, дойти пешком. А я за это отдаю вам вот это.

Она положила на верстак блокнот.

Он лежал между разобранном насосом и лампой, потрёпанный, в клеёночной обложке, перетянутый резинкой, и Кирилл смотрел на него, не прикасаясь. Блокнот не выглядел драгоценностью. Таким блокнотом можно было записывать список покупок или рецепт борща. Клеёнка потрескалась по углам, на обложке проступало жирное пятно, на одной из страниц виднелся круглый след от чашки.

— Что это?

— Дневник моего отца. Он конструктор. Дизельщик. — Алиса положила на обложку ладонь, словно удерживала его от побега. — Там всё, над чем он работал. Чертежи, схемы, расчёты, как запускать старые дизельные узлы без электроники, как восстанавливать топливную аппаратуру. И координаты.

— Чего?

— Тайников. — Она подняла на него глаза. — Подземное хранилище. Вы знаете, как называлось такое при совет-

ской власти? «Хранилище стратегического запаса». Там тонны качественной солярки и масла, в герметичных ёмкостях, законсервированной ещё до перестройки. Папа записал, где оно находится. Я знаю, потому что видела, как он рисовал.

Кирилл не двигался.

Тонны. Он повторил это слово про себя, медленно, как пробуют на вкус что-то непривычное. Тонны солярки. Он не видел столько топлива за последние пять лет. Не слышал даже, чтобы кто-то говорил о таком объёме. Литр хорошей солярки стоил на рынке больше, чем литр воды. Тонна... Тонна означала машину, которая едет. Тонна означала свободу.

— Покажи, — сказал он.

— Нет.

— Почему?

— Потому что если покажу, вы отнимете. — Она произнесла это без обиды и без вызова, как говорят о чём-то само собой разумеющемся. — Вы хороший человек, я так думаю. Но я видела, как люди смотрят на то, что им очень нужно.

Он мог бы взять блокнот. Мог бы вытряхнуть из неё всё, что она знает, за пять минут, и она не смогла бы его остановить: десятилетняя девочка против человека, который в одиночку вышел против троих. Он понимал это. Она понимала, что он понимает. Она всё равно стояла и держала ладонь на обложке.

В этом было что-то, чему он не сумел подобрать названия.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Одну страницу.

Она помедлила, потом сняла резинку и открыла блокнот на странице, которую, судя по всему, выбрала заранее. Повернула к нему.

На листе была схема. Тонкие, уверенные линии, написанные чёрной гелевой ручкой. Топливный насос в разрезе, привод, регулятор, штуцеры, и стрелки, и мелкие пометки в углу, сделанные быстрым почерком человека, который привык, что его мысли прочтут только он сам. Схема была не просто красивой. Она была правильной. Кирилл ощутил это раньше, чем успел проверить: так правильный механизм ощущается кончиками пальцев, прежде чем начинает работать.

Он читал секунд тридцать. Потом поднял глаза.

— Твой отец знал своё дело.

— Знал, — сказала Алиса.

Она закрыла блокнот, надела резинку и прижала его к груди.

— Договорились?

Кирилл посмотрел на Тойоту. На разобранный насос. На пенал, на плунжерные пары, лежащие на ветоши, как драгоценные камни. Потом на девочку.

Пять лет он жил в этом боксе, ожидая, пока что-нибудь изменится. Теперь изменилось.

— Договорились, — сказал он.

Первая ночь

Поздним вечером, когда всё было сказано, они сели ужинать по-настоящему, вдвоём, за верстаком, на котором ещё лежали детали насоса.

Каша была густая, горячая, с луком, который Кирилл берёг на особый случай и теперь не понимал, почему достал. Алиса ела, макая в миску кусок чёрного хлеба, и всё время поглядывала на блокнот, лежавший рядом. Она не выпускала его из виду, даже когда тянулась за ложкой.

— Расскажи, как ты шла, — сказал Кирилл. — Не потому что любопытно. Мне надо знать, что тебе известно о дороге. Она положила ложку.

— Я жила у тёти Вали. Мамина сестра, в посёлке за Лесным. Папа с мамой оставили меня с ней за месяц до войны, сказали, что скоро вернутся. Потом всё погасло. Тётя Валя держала огород и коз, и мы пережили почти пять лет. А в феврале у неё воспалились лёгкие, и она...

Она запнулась, но не заплакала. Только провела пальцем по краю миски.

— Я хотела идти одна. Не получилось. Сосед, дядя Петя, сказал, что проводит. У него была лошадь и телега. Мы ехали двенадцать дней. На тринадцатый нас остановили люди с рыжими рукавами.

Кирилл не пошевелился.

— Они забрали лошадь и всё, что было в телеге. Дядя Петя попробовал спорить. — Она подняла глаза. — Его убили. Я убежала в лес. А когда вышла, шла ещё девять дней одна, пока не увидела дым над вашим городом.

— Они шли за тобой?

— Не знаю. Сегодня я их увидела уже рядом с вашим гаражом.

Он кивнул. Не стал говорить, что это объясняет, откуда у Гвоздя нашёлся повод оказаться у его ворот именно сейчас. Не стал говорить, что, возможно, девочка привела их сама, не зная этого. Она и так понимала. Ей хватило бы одного взгляда на его лицо.

— Спасибо, что рассказала, — сказал он вместо этого. — Ешь.

Она доела молча. Потом вымыла миску в ведре, вытерла и аккуратно поставила на полку рядом с его кружкой. Он смотрел, как её маленькие руки обращаются с посудой, и вдруг заметил, что в его боксе впервые за пять лет что-то стоит в паре. Две миски. Две ложки. Две кружки.

Он отвернулся к станку.

Звонок

Ночью банки зазвенели.

Он не спал. Лежал на кушетке, которую уступил девочке, а сам устроился на полу в ватнике и слушал, как гудит в трубе ветер. Когда в переулке послышался короткий дребезжащий звон, Кирилл уже стоял на ногах, с самострелом в руке и рукояткой домкрата под мышкой. Он взвёл лук за двадцать пять секунд. Быстрее, чем когда-либо.

Потом подошёл к щели и прижался глазом к шкурке.

В переулке, на самом свету от луны, стояла тощая рыжая собака. Не ржавая, а просто рыжая, с поджатым хвостом и висящим боком. Она зацепила проволоку лапой и теперь стояла, растерянно глядя на банки, звякавшие у неё под носом. Потом обнюхала камень, чихнула и убежала.

Кирилл выдохнул. Опустил самострел.

— Это ловушка? — спросил за спиной тихий голос.

Он не обернулся. Знал, что Алиса стоит в трёх шагах, в ботинках, которые она, оказывается, успела надеть, с блокнотом, прижатым к груди.

— Не ловушка. Звонок.

— Научите.

— Чему?

— Как делать. — Она шагнула ближе. — Чтобы я тоже могла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.